
ПОСВЯЩАЕТСЯ ТВОРЦАМ
ПРОШЛЫХ,
НАСТОЯЩИХ
И БУДУЩИХ
СТОЛИЦ МИРА

THE UKRAINIAN SOCIETY
OF ASSISTANCE TO SOCIAL INNOVATIONS
THE UKRAINIAN TECHNOLOGICAL ACADEMY

*A series
«Open Research concept»*

V. P. P A T R A K O V

THE EMERGENCE OF CAPITALS: FROM THE PAST TO THE FUTURE

PUNLISHER PANASENKO
Kharkov
2008

УКРАИНСКОЕ ОБЩЕСТВО
СОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ИННОВАЦИЯМ
УКРАИНСКАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ОТДЕЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Серия
«Открытая исследовательская концепция»

В. П. П А Т Р А К О В

РОЖДЕНИЕ СТОЛИЦ: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

ИЗДАТЕЛЬ ПАНАСЕНКО
Харьков
2008

УДК 32.001:327[(100)(091)]
П20

Серия «Открытая исследовательская концепция»
Выпуск 8

*Рекомендовано к печати отделением гуманитарных технологий
Украинской технологической академии
Протокол № 2 от 26 октября 2008 года*

Рецензенты:

Яковенко И.Г., доктор философских наук, профессор Российского Государственного Гуманитарного Университета.

Мартынов А.Ю., доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук;

Пирен М.И., доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор Национальной академии государственного управления при Президенте Украины;

Под научной редакцией

Афониной Э.А.

доктора социологических наук, профессора,
академика Украинской технологической академии

Series «Open research concept»
Release 8

*It is recommended for printing by Advisory Council
Branches of humanitarian technologies of the Ukrainian technological academy
The report № 2 from October, 26th, 2008*

Reviewers:

Jakovenko I.G., the doctor of philosophy, the professor of the Russian State Humanitarian University.

Martynov A.J., the doctor of historical sciences, the senior scientific employee of Institute of history of National academy of sciences;

Piren M. I., the doctor of sociological sciences; the deserved active figure in area of science and technique of Ukraine;

Under scientific edition

Afonin E.A.

of doctor of sociological sciences, professor,
the academician of the Ukrainian technological academy

Предисловие научного редактора

Приштина, Сухуми, Цхинвал... Что дальше? От парадигмы «стабильности» к парадигме «устойчивого развития» мира

Представляя вниманию читателей книгу «Рождение столиц: от прошлого к будущему», не буду останавливаться на ее цивилизационных, исторических и политологических аспектах — о них достаточно уже скажут рецензенты книги. Попытаюсь ответить лишь на один вопрос, почему так важно, чтобы эта книга увидела свет именно сегодня? Что в ней есть такого важного, с чем непременно должны сегодня ознакомиться политики и общественность?

С самопровозглашением 17 февраля 2008 г. и признанием со стороны 51 государства-члена ООН независимости Республики Косово, равно как и с признанием спустя полгода (26 августа 2008 г.) Российской Федерацией и Никарагуа независимости Республики Южная Осетия и Республики Абхазия, мир фактически оказался уже в новой геополитической ситуации. Условно говоря, мир до и после названных событий вполне может быть разделен на две общественно-исторические эпохи модерна и постмодерна, наполняемые контрверсией тенденциями мирового развития.

Так, главенствующие в эпоху модерна процессы интернационализации и достигнутые ко второй половине XX ст. на их основе результаты связаны с созданием «единого правительства» (ООН), «единой экономики» (во главе со странами «восьмерки»), «единого информационного пространства» (Интернет) и т. п. То есть, образно говоря, с интернационализацией как главенствующей тенденцией Модерна связан результат «преодоления препятствий на пути движения капитала, рабочей силы, товаров и услуг», который все еще нередко ошибочно, как нам представляется, приписывают глобализации как ключевой тенденции постмодерна. При этом основой стабильности международных отношений стали десять универсальных принципов международного права. Важное место среди них занимают принципы «суверенного равенства государств» (их права в пределах собственной территории осуществлять законодательную, исполнительную, административную и судебную власть без какого-либо вмешательства со стороны других государств) и «территориальной целостности государства» (запрет на угрозу силой или ее применение против территориальной целостности и политической независимости любого государства). В то же время, процессы глобализации, похоже, связаны с разнообразием и устойчивостью мира, опирающимися на дальнейший рост суверенных государств. Подобно «атомизированному» постмодерному обществу, в котором неотъемлемыми природными правами и свободами наделяется гражданин, мировое сообщество будет нуждаться в пересмотре принципов своего отношения к новообразованию как на государственном, так и на континентально-региональном уровнях мировой системы.

Сегодня же можно констатировать, что от более или менее стабильного состояния, которым обозначилась более чем 200-летняя история модерна, мир непосредственно вошел в ситуацию перехода к новым реалиям постмодерна. Будет ли наметившийся процесс глобализации связан с прогрессией появления на карте мира новых государств? Как изменится политический ландшафт мира? Какие силы будут влиять на складывающийся новый мировой порядок? Ответы на все эти вопросы выстраиваются в зависимости от характера нынешних цивилизационных изменений. Еще в 2000 г. в издательстве Верховной Рады Украины нами была опубликована англо-украинская монография «Social Development AD = Суспільний розвиток від Різдва Христового», явившаяся своеобразным планом-перспективой междисциплинарного исследовательского проекта. В контексте реализации этого проекта появился добрый десяток монографий,

свидетельствующих о том, что мир стоит лишь в начале нового этапа изменений, который с высокой степенью вероятности будет связан с существенным ростом количества субъектов мировой политики, в том числе и за счет появления на карте мира новых независимых государств. Отныне к великой миссии творцов истории приобщатся не только так называемые великие государства, решавшие на протяжении многих веков судьбы мира, но и малые и средние страны впервые получат реальную возможность приобщиться к творению международной политики. Именно эти страны, заключая друг с другом союзы, будут определять вектор мирового развития. Имперская политика силы, похоже, навсегда уходит в прошлое.

Где же будут возникать новые государства и новые столицы? Можно ли прогнозировать их появление? На эти и другие вопросы отвечает в своей монографии автор. Он обращает наше внимание на наличие закономерного характера (правило *шага столицы, ШС*) и неслучайного расположения столиц государств, образованных этнически и культурно близкими народами. Опираясь на выявленную закономерность, уже сегодня пунктирно (в качестве гипотезы) можно выделить некоторые новые столицы и соответственно новые государственные образования. На постсоветском пространстве это, безусловно, Цхинвал и Сухуми. Пока Республика Абхазия и Республика Южная Осетия являются частично признанными государствами, но в соответствии с ШС у них имеются большие шансы стать полноценными членами международного сообщества. Высокие шансы на самоопределение имеет Тирасполь (Приднестровская Молдавская Республика), но уже в рамках федеративной Молдовы, поскольку материнской столицей и Тирасполя и Кишинева является Киев.

В России велика вероятность сецессии республик Закавказья.

В Европе (все более превращающейся в союз регионов) растут шансы на возрождение былого участия в международной политической жизни у Эдинбурга (Шотландия), Белфаста (Ольстер), Аяччо (Корсика), Барселоны (Каталония), Мюнхена (Бавария), Нуук (Гренландия). Велика вероятность возникновения «государственного проектирования» на основе Окситании (во Франции) и Падании (Северная Италия).

В Азии это Паттани (Таиланд); Гонконг, Макао, Тибет, Внутренняя Монголия и Синьцзянь (Китай); Минданао (Филиппины); Тамилэнд (Шри-Ланка); Курдистан, Сев. Азербайджан и Белуджистан (Иран); Аракан, Качин и Шан (Мьянма); Ассам, Пенджаб, союзные территории (Индия), Западное Папуа, Суматра и Калимантан (Индонезия). В многонациональных государствах будут развиваться процессы национальной сецессии. А в мононациональных, особенно с большой площадью — процессы регионализации и деволюции. Так, в Японии высока вероятность автономизации 15 префектур, в том числе островных — Хоккайдо и Окинавы.

В Африке де-факто существует целый ряд непризнанных государств и независимых регионов, стремящихся к признанию государственного суверенитета, столицы которых возникли в соответствии с правилом ШС, в частности: Сомалиленд, Западная Сахара, Дарфур и др.

В Латинской Америке ряд молодых государств, многим из которых нет и двух веков, изобилует этносоциальными конфликтами, возникающими на искусственно «проведенных» в колониальный период границах. Опираясь на закономерности ШС, многим из них «показано» изменить свой статус, в частности, должны приобрести автономию или самоопределение мятежные боливийские провинции Потоси и Чукисака. В Мексике высока вероятность самоопределения Юкатана и еще семи штатов.

В Североамериканских США, являющих на сегодня оплотом стабильности, мы можем также «видеть» распад на Север и Юг, пережившие тяжелую гражданскую войну. Создают потенциальную угрозу целостности американского государства нарождающиеся национальные и региональные движения. Опираясь на закономерности ШС, сегодня вполне можно предсказывать вероятность появления в США 15 новых столиц.

Что касается Канады, то провинция Квебек уже давно стала символом борьбы за национально-культурное возрождение, хотя (в соответствии с закономерностями *шага столицы*) более вероятной может все же оказаться сецессия западных провинций Канады.

В Австралии высока вероятность отделения штатов на западе, севере и юге континента (о-в Тасмания).

В общем, шаг столиц совпадает с существующими движениями за национальное или региональное самоопределение, и дает им еще один (уже на уровне исторической закономерности) аргумент для борьбы за независимость.

Заметим, что эвристическое значение феномена ШС заключается не только в прогнозировании «рождения» новых столиц, но и в подтверждении гипотез историков и археологов о местоположении исчезнувших столиц, то есть направленность в будущее дополняется и направленностью в прошлое. Яркой иллюстрацией этого тезиса мог бы стать пример с недавно обнаруженной столицей Хазарского каганата — Итилем, которая находится на расстоянии ШС от дочерней столицы — г. Болгаром на территории Татарстана (Российская Федерация).

В настоящее время научное сообщество стоит перед необходимостью осмыслить новые реалии и тенденции развития мирового сообщества, предложить ему новую, адекватную времени и процессам глобализации парадигму, систему новых понятий и политико-правовых норм регулирования реально изменяющихся международных отношений. Принципы (и правовые нормы), положения международных организаций ООН, ОБСЕ и др., послевоенные договоренности о незыблемости границ, Хельсинкские и др. договоренности — все это наследие былой эпохи модерна и ключевой ее тенденции — **интернационализации**. Кульминацией эпохи стали 1-я и 2-я мировые войны, по завершении которых и был выдвинут тезис о «территориальной целостности государств» как один из основополагающих принципов стабильности мира, что в условиях глобализации уже противоречит новым мировым тенденциям.

Надвигающаяся эпоха постмодерна с ее стержневой тенденцией **глобализации** обрекает мир на ситуацию развития, когда о себе заявляют центробежные процессы «регионализации» и «дифференциации» мира, с которыми непреложно связано появление новых национально-государственных образований. Еще вчера оправдывавший себя сполна принцип «территориальной целостности» и другие нормы международного права в новых условиях начинают испытывать потребность в их пересмотре и уточнении. Ведь нынешняя практика народов, борющихся за свои суверенные права, де-факто «покушается» на старые принципы международного права и ставит перед мировым сообществом проблему выработки новых императивов устойчивого развития мира. Продолжать упорствовать в этом значит выглядеть не менее диссонансно, чем, скажем, нынешние политики посткоммунистических стран со своим авторитарным поведением.

Необходимо в первую очередь понять, что в условиях глобального мира развитие индивидуализируется и локализуется. Значительно разветвляется его источниковая база. И развитие этого многообразия, усложнение мира будет осуществляться через рождение новых столиц, новых правящих элит, новых экономических и культурных центров международной политики. Чтобы хоть как-то прочувствовать этот переход, достаточно сравнить бывший Советский Союз с современными реалиями постсоветских стран. Или римскую, испанскую, австрийскую, германскую и другие империи с государствами, образованными после их распада.

Таким образом, мы стоим перед выбором — между определяющей социальную статистику прошлого «парадигмой стабильности» и динамической природой будущего человеческого сообщества, определяемой «парадигмой устойчивого развития». Причем, если выбор прошлого так или иначе связан с экономической стагнацией или рецессией, политикой тоталитаризма или авторитаризма, а в конечном итоге с социальным взрывом, революцией или трансформацией, то выбор будущего — это путь к множественности истин, альтернативности политических форм, эффективности экономического и социального развития. Путь творческой эволюции и роста экономических и социальных свобод, рождения новых столиц и становления новых суверенных государств.

На пути к будущему возникает и будет возникать немало проблем и прежде всего проблем, связанных с модернизацией ключевых международных институтов. Как сделать процесс новообразований (независимых государств и властно-политических элит)

менее болезненным? Как плавно перейти *от парадигмы территориальной целостности и социальной стабильности*, — которая лишилась главного своего оплота — «берлинской стены», павшей в 1989 г., но пока сохраняет в нашем сознании «китайскую», «мексиканскую» и другие стены — *к парадигме социального развития*, динамично меняющихся границ, то есть к своего рода созидательному хаосу. Хаосу не страшному и неведомому, а творческому и понимаемому. Не к реву черной бездне, а к волнующемуся морю, по которому можно плыть в будущее. Задача архисложная, но все задачи решаемы, если они осознанны. И осознать эту задачу помогут книги, в которых ставятся непростые, дискуссионные, но важные и злободневные вопросы, в том числе и эта книга — «Рождение столиц: от прошлого к будущему».

Эдуард Афонин,
доктор социологических наук, профессор,
действительный член Украинской технологической академии,
президент Украинского общества содействия
социальным инновациям

Слово рецензентам

СТОЛИЦЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ: ДИАЛЕКТИКА НЕОБХОДИМОГО И СЛУЧАЙНОГО

(рецензия)

Распад Советского Союза ознаменовал собой наступление новой исторической эпохи. Революционные изменения сознания обществ, сложившихся на постсоветском пространстве, — одна из существенных примет новой реальности. Народы, поставленные перед необходимостью совершать исторический выбор, который будет определять их развитие на десятилетия вперед, ищут мировоззренческие опоры, лежащие за рамками исчерпавшего себя марксистского обществоведения. В этой ситуации остро востребованным становится *мышление цивилизациями*. Сегодня о цивилизации и цивилизационной специфике говорят, к ней апеллируют бизнесмены и журналисты, политики и государственные чиновники, церковные иерархи и деятели культуры. В СМИ, политическом пространстве, научной литературе разворачиваются дискуссии о цивилизационной принадлежности той или иной страны. Дискуссии эти далеки от академической бесстрастности, поскольку цивилизационная принадлежность оказывается решающим аргументом в пользу конкретного исторического выбора.

Давление политических страстей и исходных идеологических установок никогда не идет на пользу научному знанию. На наш взгляд, необходимо четко различать околонучные спекуляции и собственно науку. Интересующая нас проблематика разрабатывается в рамках теории локальных цивилизаций или цивилизационного анализа. Это молодое и перспективное направление гуманитарного знания, активно развивающееся на пространствах бывшего СССР. Теории локальных цивилизаций позволяют корректно ставить вопрос о цивилизационной принадлежности конкретного общества и двигаться по пути ответа на этот вопрос. Однако здесь возникают нерешенные теоретические проблемы. К примеру, со странами Балтии или Туркменией все более или менее понятно: Балтия по сумме объективных критериев относится к протестантско-католическому миру или евро-атлантической цивилизации, а Туркмения принадлежит исламской цивилизации. Что же касается обществ Украины, Белоруссии, Молдовы, то здесь, оставаясь в рамках неидеологизированного научного знания, сложно формулировать однозначные ответы. Например, Молдова принадлежит к языковой семье романских народов и исторически связана с Римской империей. Эти факторы «тянут» культуру Молдовы на Запад, в мир протестантско-католической культуры. С другой стороны, Молдова — православная страна, находившаяся в сфере влияния Византии, затем Османской империи и, наконец, России/СССР. Заметим, что цивилизационная теория традиционно рассматривает конфессиональную принадлежность как основной системобразующий признак. Между тем есть страны, где данное основание классификации не работает. Наиболее наглядно это видно на примере Украины. Тут сложная конфессиональная ситуация, резкий рост числа общин разных протестантских деноминаций, и изменения, переживаемые традиционными для Украины православными, греко-католическими и римско-католическими церквями в новой исторической реальности, делают невозможным однозначный ответ на волнующий всех вопрос.

Теоретическое знание нуждается в новых подходах, новых концептуальных моделях, пополняющих методологический инструментарий и расширяющих арсенал цивилизационного видения. Монография В.П. Патракова «Рождение столиц: от прошлого к будущему», предлагает новую концептуальную модель, основанную на попытке применения количественных методов к анализу закономерностей формирования и пространственного

распределения цивилизационных феноменов. Автор исходит из положения о ключевом положении столичного города, ибо столицы представляют собой микрокосм цивилизаций. Развивая гипотезу Велимира Хлебникова о том, что столицы государств образуются, как правило, на определенном расстоянии друг от друга (*шаг столиц — ШС*), автор вводит понятие *каркас цивилизации*, представляющий собой систему столиц, находящихся на заданном расстоянии друг от друга. Применение количественного метода позволяет провести измерение существующих цивилизаций путем ввода понятий «сложность», «целостность», «степень развития». Во-вторых, оно позволяет строить графики (деревья) отдельных цивилизаций по генетическому принципу порождения одних столиц другими — от материнских столиц к дочерним столицам. Тем самым выявляется критерий отнесения данного государства к определенной цивилизации.

Среди теоретических оснований авторской позиции — концепция географического детерминизма. Автор исследует этнокультурные детерминанты структурирования географического пространства и выявляет ячеистую структуру этого пространства. В рамках предложенного видения цивилизационные характеристики исследуемых обществ задаются географическим расположением столиц. Другой значимый для рассматриваемой теоретической модели момент — историческое разворачивание столицы или истории перемещения столичного центра.

Проиллюстрируем сказанное на примере России. Поскольку материнской столицей Москвы является столица Золотой Орды Сарай-Берке, в России мы наблюдаем специфический тип азиатской цивилизации со всеми вытекающими отсюда качественными характеристиками. В этой связи интересны наблюдения В.П. Патракова о смене цивилизационных ориентиров с изменением столиц Руси (России): от Ладоги и Новгорода к Киеву, Владимиру, Москве, Санкт-Петербургу и опять к Москве.

Что же касается стран Балтии, Украины, Беларуси и Молдовы, то они согласно теории ШС относятся к Европейской (Западной) цивилизации, в отличие от среднеазиатских стран, входивших в бывший СССР, материнской столицей главных городов которых является Москва, и входящих в Российскую (Евразийскую) цивилизацию. В рамках такой концептуальной модели драйв Украины в Европу и отмежевание ее от Российской цивилизации представляется ожидаемым. Со времени такой драйв должна сделать и Беларусь. И наоборот — драйв Казахстана, Туркменистана, Кыргызстана и Таджикистана к России представляется естественным.

Стоит сказать несколько слов о пространственной динамике цивилизационного процесса. Согласно концепции ШС, рождение столиц — процесс необратимый. Это означает, что цивилизации будут развиваться и становиться все более сложными по мере появления новых субъектов мировой истории — независимых и автономных государств. Перед нами достаточно сильное утверждение, способное породить массу возражений со стороны обществоведов, мыслящих имперскими моделями интеграции больших пространств. В настоящее время данное положение лучше всего накладывается на европейскую реальность, где процессы распада крупных имперских образований завершились в XX веке. Кроме того, общеевропейская интеграция оборачивается ростом роли отдельных регионов, которые обретают новый экономический и политический статус.

Для жителей Восточной Европы особое значение имеет Российская цивилизация, интегрирующая огромные пространства Евразии. Будущее Российской цивилизации и Российского государства представляет далеко не академический интерес для всех, кто проживает на постсоветском пространстве. Здесь честный исследователь сталкивается с особым накалом страстей, если не блокирующим, то существенно затрудняющим далекую от ангажированности любого рода серьезную работу.

Общество, оказавшееся перед лицом качественно новых исторических вызовов (а исторические вызовы всегда несут в себе новое, неизведанное, не решаемое привычными и проверенными способами), не может ограничиться опорой на сакральные прецеденты, исторические традиции, накопленный опыт. Движение по этому пути обеспечивает единственный результат — схождение с исторической арены. Об этом хорошо сказал Арнольд Тойнби: «Общество, ориентированное на верность традициям, своему

прошлому, обречено на исчезновение. Общество, ориентированное на свое настоящее, обречено на застой. И только общество, ориентированное на будущее, способно развиваться». Поэтому так важны концепции, направленные на обновление парадигматики научного знания. Тем более интересны модели, абстрагирующиеся от неподдающихся верификации качественных суждений и основанные на анализе количественных соотношений. Логика цифр если не убеждает, то подкупает. От нее нельзя просто отмахнуться. Оппонент должен указать на ошибку в исходных постулатах и предложить собственную интерпретацию количественных параметров, которыми оперирует Патраков.

Среди достоинств концепции ШС ее историзм. Автор видит всемирно-исторический процесс как поле постоянных изменений, одной из граней которых выступает переструктурирование пространственных границ локальных образований любого рода. И конкретные цивилизации, и отдельные государства рождаются и исчезают. Границы этих образований изменяются. При всей кажущейся устойчивости данных сущностей они подвижны и текучи в общеисторическом измерении. Автор стремится выявить логику описываемых процессов и выстраивает прогностические модели. Понятно, что такая позиция жестоко противостоит имперскому традиционализму сакрализующему «наши» границы и утверждающему вечность и нерушимость «нашего» социокультурного космоса.

Отсюда выраженный антиимперский пафос концепции ШС и выводы о том, что не пространство составляет основу и богатство государства, а человек; не природный, а социальный капитал. Принятие этого положения требует подлинной революции в сознании и знаменует переход от экстенсивной к интенсивной жизненной стратегии. Тот, кто отказался от морока бескрайнего пространства, от возвеличивания неоглядной шири и российской тяги к тому, что за горизонтом, обретает шанс заняться обустройством собственного дома, укорениться, создать обозримый, соразмерный человеку, удобный и комфортный космос. В этой точке глобальные геополитические измерения концепции ШС пересекаются с локальным, обращенным к отдельному человеку.

Нельзя не сказать о том, что концепция ШС рождает вопросы и критические замечания. Авторская модель базируется на постулате о связи между столичными центрами и типами цивилизаций. Здесь видится существенное упрощение проблемы. Это положение более или менее справедливо в синхронном срезе. То есть — для определенного момента всемирно-исторического процесса. На одних и тех же пространствах в разные эпохи возникали качественно различающиеся цивилизации. Иными словами, сам рисунок пространственного разграничения Земного шара на зоны доминирования отдельных локальных цивилизаций меняется от эпохи к эпохе. Что же касается эпох смены поколений цивилизаций, то здесь возникает теоретически непреодолимая неопределенность — никто не знает, как выстроятся границы складывающихся паттернов. Из этого следует, что предложенная модель применима в рамках периодов устойчивого разграничения на зоны доминирования отдельных локальных цивилизаций.

Далее, столичный статус — вещь не формальная. Политическая столица должна вобрать в себя характеристики обнимающего пространства и стать задающим цивилизационную парадигматику микрокосмом. На все это требуется время. Каковы временные рамки этого периода? Одинаковы ли они для разных обществ? На основании каких критериев можно утверждать, что эмпирическая столица стала сущностным центром данного общества? Кроме того, политическая столица не всегда тождественна социокультурной столице страны — вспомним Турцию и Австралию. Прихотливая ткань реальности трансформирует чистоту исходной модели, требует оговорок и корректирующих уточнений, которые проблематизируют исходную посылку.

Наконец, возникают проблемы с самим шагом столиц. Перед нами эмпирическая закономерность, обнаруженная исследователями. Но какова ее природа? Варьируется ли ШС в разные исторические эпохи? Какие фундаментальные сущности определяют величину этого параметра? Все эти вопросы требуют дальнейшего изучения.

Монография «Рождение столиц: от прошлого к будущему» рождает вопросы и будит исследовательскую мысль. Можно приветствовать появление новой концепции,

обогащающей арсенал цивилизационного анализа. Напомню украинским читателям, что впервые концептуальная модель В.П. Патракова была заявлена в сборнике «Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое»¹, изданном в московском издательстве «Наука» в 2007 г. Тот факт, что книга в полном объеме выходит в Украине, в стране, которая при всех сложностях и издержках строительства демократической государственности делает ответственный выбор, отторгая прошлое и избирая будущее, радует и наполняет это событие особым смыслом.

Яковенко И.Г.,
*доктор философских наук,
профессор Российского Государственного
Гуманитарного Университета*

¹ Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое / отв. ред. И.Г.Яковенко; Науч. совет РАН «История мировой культуры». — М.: Наука, 2007.

ШАГИ СТОЛИЦ — ШАГИ ИСТОРИИ

(рецензия)

Начиная со второй половины XX века доминирует тенденция преобладающего развития городских поселений. Среди них заметное положение занимают столицы. Современная урбанистика концентрирует внимание на исследовании проблем возникновения, развития и перемещения столиц. Естественно, что этот процесс исторически обусловлен. Собственно, сложность «столичного» предмета исследований объективно ставит проблему междисциплинарности исследований.

В то же время междисциплинарный дискурс по вопросу закономерностей размещения столиц испытывает дефицит инновационных подходов. Предметное видение этой темы предлагают географы, историки, социологи, политологи, философы. Однако обобщающие теоретические модели, позволяющие видеть всю систему координат и свободно ориентироваться в результатах исследований «столичной» проблематики, к сожалению, появляются редко. Такое состояние дел объективно стимулирует интерес к научным разработкам, основанным на междисциплинарном подходе.

Понятно, что столицы появляются на своем «месте развития» не случайно. Однако адекватно пояснить, почему конкретная столица определенного государства появилась именно на «своем месте», достаточно сложно. Вероятно, одна из причин такого положения дел состоит в том, что отсутствует «универсальная» междисциплинарная теория, претендующая на пояснение столичных геополитических, исторических, социально-политических, экономических закономерностей. Учитывая такое состояние, знания о «столичном феномене», появление инновационных идей, стимулирующих научную дискуссию, можно только приветствовать.

Судьба неординарных книг, как правило, сложна не только от момента авторского замысла и его воплощения в «теле» текста, а далее в процессе технической реализации публикации и ее вхождении в диалог с читателем, но и в контексте определения предметной «прописки» книги. Можно не сомневаться в том, что любой из уважаемых рецензентов и читателей книги Владимира Патракова «Рождение столиц: от прошлого к будущему» увидит в ней нечто «родное» своим научным интересам. С «колокольни» историка книга представляется прежде всего удачным форматом осмысления проблем исторической географии в контексте междисциплинарного синтеза.

Однако глубинные смыслы, которые продуцирует научный труд Владимира Патракова, выходят на более высокий, а не только прикладной уровень обобщения. Ведь автор раскрывает практически не изученную, в том числе и в историко-философской литературе, тему, связанную с выявлением закономерностей появления столиц.

Автор в соответствии с собственной концепцией развивает гипотезу русского поэта и мыслителя начала XX в. Велимира Хлебникова о том, что столицы государств, населенных родственными этносами, появляются на определенном расстоянии друг от друга. Назвав эту количественную закономерность *феноменом шага столиц*, автор пытается проследить его действие на обширном историческом материале и дать прогнозы появления будущих столиц.

Элегантно выглядит гипотеза о *шагах столиц*. Она позволяет визуально представить масштаб таких «шагов» во времени и пространстве. Отметим, что, собственно, у В. Хлебникова эта идея, условно говоря, сродни «прокрустову ложу», то есть она имела определенную величину около 1000 км (с небольшими отклонениями). В тоже время у автора рецензированной книги, говоря терминологией Макса Вебера, идеальная модель «шагов столиц» применяется с различными коэффициентами 0,5; 1,5; 2; 2,5; 3.

Кроме того, Владимир Патраков вводит еще одну величину, названную им *малым шагом столиц*.

Таким образом, принятая величина, характеризующая постулируемую закономерность, становится размытой, *вероятностной*. Однако это является скорее позитивной чертой книги «Рождение столиц: от прошлого к будущему», чем ее недостатком. Именно эпистемологическая гибкость предлагаемой модели дает возможность адаптировать этот инструмент к решению проблемы построения вероятностных моделей прогнозирования дальнейшего перемещения столиц. Ведь любая закономерность, не имеющая Абсолютного смысла, по определению, является вероятностной. Поэтому естественно, что и все прогнозы не могут быть абсолютными, ибо априори они не могут учесть системную сложность взаимодействия различных факторов, не говоря уже о социально-историческом феномене случайностей.

Вполне естественно, что автору не всегда удастся проследить историческую динамику шагов столиц. Иногда для этого не хватает фактографического материала, а часто эмпирики слишком много. Поэтому весьма непросто однозначно определить материнскую столицу. В силу этого методологически сложно идентифицировать «печь», от которой следует плясать, то есть столицу, от которой идет отсчет шагов столиц по направлению к порожденной, дочерней столице. Благодаря этому прошлое столиц становится таким же непрогнозируемым, как и их будущее.

Понятно, что шаги столиц в указанных автором коэффициентах достаточно ясно проступают на исторических пространствах, так сказать, не обремененных грузом богатого прошлого (Австралия, Казахстан...). Однако на примере старых географических регионов, например в Европе, шаги столиц проследить гораздо сложнее. Без специального детального исторического анализа это осуществить невозможно. Таким образом, объективно утрачивается эвристическая простота указанного феномена. Но, с другой стороны, автор получает интеллектуальный вызов, требующий более корректного использования исторического знания. Именно эмпирический исторический материал может быть источником для дальнейшей развернутой аргументации в теоретической части книги Владимира Патракова.

Автор, чтобы доказать существование шага столиц, рассматривает развитие крупнейших империй. В то же время вне анализа остаются многие регионы и целые исторические периоды. Тем не менее, вследствие этого феномен шага столиц превращается не в объект веры увлеченного исследователя, а становится верифицированной гипотезой.

Собственно, дальнейшая научная апробация результата работы автора будет зависеть от осмысления его книги научным сообществом. Значение «Рождения столиц: от прошлого к будущему» также заключается в важном прикладном результате. Возможным плодом практических усилий по исследованию шагов столиц может быть формирование самостоятельной научной дисциплины о столицах, которая условно может быть названа «столицеологией».

Учитывая увеличение значения субъективных, информационных факторов в историческом процессе, вполне возможно, что следующим логическим результатом может стать появление специальной теории о столицах как центрах управления больших общественных структур. В предметное поле этой теории мог бы войти дискурс о закономерностях появления «мест развития» столиц не только в пространственно-географическом аспекте, но и социально-философском контексте. В частности, в перспективе было бы весьма интересно исследовать феномен шагов столиц в контексте циклов общественно-исторического развития.

В исторической литературе есть наблюдения о том, где, как и почему создаются новые столицы (работы А. Тойнби, С. Соловьева и др.), но пока никто не разработал «универсальной» концепции, на основе которой можно было бы прогнозировать появление новых столиц. Выходящая в читательское сообщество книга является первой попыткой такого рода.

Анализируя административно-территориальную структуру около ста современных государств, особенности их исторического развития, этнополитическую ситуацию, в том

числе национально-сепаратистские движения, автор обосновывает вероятностный прогноз появления на карте мира новых столиц. При этом он использует работу этнополитиков львовского информационно-аналитического центра «Поступ» (П. Жук, Н. Мазур, Р. Соломонюк, Р. Турчак) «Етнополітична карта світу ХХІ століття» и во многом подтверждает их выводы.

Прогнозируя появление новых столиц независимых государств или субъектов федерации, автор старается занимать позицию неангажированного исследователя. По мнению автора, появление новых столиц — это объективная закономерность, которую можно ускорить или замедлить, но нельзя отменить, и мировой политической элите необходимо принять ее и сделать все, чтобы этот процесс продуцировал минимум международных конфликтов.

Итак, предлагаемая вниманию читателей книга является во многом спорной, но, интересной и, что немаловажно, актуальной. Привлекает открытость, дискуссионность выводов Владимира Патракова. Сам автор, ни в коей мере не настаивая на истине в последней инстанции, приглашает всех читателей к со-размышлению, со-развитию, со-творению нашего общего дома — Земли, в котором столицы будут не воевать, а сотрудничать и порождать другие столицы, расширяя семью единой человеческой цивилизации.

Мартынов А.Ю.,
доктор исторических наук,
старший научный сотрудник
отдела всемирной истории
и международных отношений
Института истории Украины
Национальной академии наук Украины

БЛИЖАЙШЕЕ БУДУЩЕЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА (футурологический аспект)

Этнополитика занимает все большее место в исследованиях политологов. Тезисы о воображаемости этносов, их смерти, неактуальности национальных государств в связи с глобализацией и отмиранием границ оказались явно преувеличенными. XXI век начинается с межэтнических конфликтов, с появления на карте мира новых государств. Как будет развиваться процесс государствообразования — вопрос проблематичен! Куда движется человечество: к единому Мировому государству или все расширяющемуся сообществу равноправных государств? Каким будет геополитический ландшафт в ближайшем будущем? На эти и другие вопросы пытается ответить автор книги «Рождение столиц: от прошлого к будущему» Владимир Патраков. Исходя из оригинальной трактовки цивилизации и идеи русского поэта-футуриста В. Хлебникова о *шагах столиц* (ШС) — гипотетической величине, на основе которой появляются новые столицы, он рассматривает обширный исторический и этнополитический материал и делает прогнозы появления столиц новых государств на просторах современного мира.

Можно по-разному отнестись к гипотезе Хлебникова и концепции автора. Важно увидеть в ней попытку переосмысления частично устаревших парадигм и стереотипов. Народы, несправедливо считающиеся негосударственными или потерявшими государственность, сегодня выходят на историческую арену, обретают полноценные права в содружестве наций. Почему одни народы имеют право на самоуправление, а другие нет, где начинается суверенитет одного народа и заканчивается суверенитет другого? Можно ли говорить о равноправии столиц, если мы постулируем равноправие народов? Как появляются новые столицы? Эти вопросы задает автор в своей книге и пытается дать на них ответы. Не будем рассматривать всех тем, затронутых автором в ходе анализа феномена ШС. Вкратце затронем концепцию распада (разделения) государств.

Концепция ШС констатирует, что, поскольку новые столицы (называемые дочерними) возникают на определенном расстоянии от старых (материнских) столиц, то по этому расстоянию — *шагу столиц* — можно прогнозировать появление новых столиц, а, следовательно, и распад государства. Хорошо прослеживается закономерность ШС в больших империях, когда на захваченных пространствах в целях их укрепления строились крепости и города. Тут также четко можно проследить процесс влияния главного города империи на появление других городов — центров областей, провинций и т.д. Но если в империю были включены другие государства со своими историческими столицами, как правило, в результате насильственных действий, то эти столицы не могут считаться дочерними столицами главного города империи, и их выход из ее состава может произойти и без соблюдения правила ШС. Но если ШС наблюдается, то это является катализатором распада.

Проиллюстрируем сказанное на примере рождения и распада СССР. Советский Союз с самого начала был составным государством, то есть государством, образованным путем объединения нескольких государств. Минск, Тбилиси, Баку, Ереван, Киев, Вильнюс, Рига, Таллинн как столицы образовались помимо Москвы (а иногда и задолго до Москвы), поэтому последняя не может считаться материнской столицей для перечисленных столиц союзных республик. А для столиц среднеазиатских республик, за исключением Ташкента, материнской столицей была Москва, поскольку Алма-Ата, Фрунзе, Ашхабад, Душанбе до Октябрьской революции были или военными укреплениями, или кишлаками. И в этом случае мы наблюдаем правило ШС: расстояние между четырь-

мя среднеазиатскими столицами и Москвой равно *шагу столиц*. Таким образом, Таллинн, Рига, Баку в любом случае вышли бы из под контроля Москвы, поскольку они были столицами и до вхождения в СССР, но расположение их на расстоянии ШС от Москвы просто увеличивало их шансы на отделение. Минск, Киев, Ереван, Тбилиси, Ташкент не находились на расстоянии ШС от Москвы, но они и до вхождения в СССР были столицами, поэтому их отделение от метрополии вполне закономерно. А Душанбе, Алма-Ата, Ашхабад, Фрунзе родились по воле Москвы, которая стала для них материнской столицей и от которой они отделились по феномену ШС после того, как выросли для самостоятельной политической жизни.

После распада Советского Союза и появления новых независимых государств в мировой политологии усилился интерес к проблематике возникновения, становления, устойчивого развития, распада и исчезновения государств. Опыт существования постколониальных государств Азии и Африки, показавший неоднозначность лозунгов немедленной деколонизации и наделения правом самоуправления всех без исключения народов (а их в мире насчитывается от четырех до шести тысяч), появление так называемых неудавшихся государств, или государств-банкротов (*failed states*), так называемых непризнанных государств возбудили интерес к проблеме развития государств.

Вторжение США в Ирак и Афганистан и попытки *nation-building* также обострили внимание к указанному комплексу проблем. Крупнейшие политологические исследовательские центры с 90-х годов XX ст. начали проводить мониторинг устойчивости государств, в их контексте самой известной наработкой является *Index Failed States* («индекс неудавшихся государств»), измеряемый влиятельной неправительственной организацией Фондом Мира. Другие авторы сосредотачиваются на критериях этнической, культурно-цивилизационной неоднородности (фракционализации) государств, которая может привести к их разделению, изучению оптимальной и избыточной площади государства и т.д. Автор рассматриваемой книги на основе концепции ШС и анализа административно-территориальных структур государств обосновывает новый индекс — индекс вероятности появления новых столиц, или индекс распада государства.

Отметим, что этот индекс достаточно велик у федеративных государств, или у государств, становящихся федеративными, обладающих сравнительно большой площадью: Австралия, Китай, Италия, Нигерия, Канада, Индия....

В этой связи вполне заслуживает внимания призыв автора воспринимать вышеназванный индекс не только как индекс распада, но и как индекс связи между столицей государства и городами, находящимися на расстоянии ШС от главного города.

Таким образом, в условиях конкуренции и диалога между столицей и столицами субъектов федерации может существовать федеративное демократическое государство. Однако если диалог заменяется культурным и экономическим диктатом, то федеративное государство может просто развалиться. Отсюда концепция ШС служит еще одним аргументом для демократического развития государств, пагубности авторитаризма, что всегда связано с диктатурой и монополизмом столичного города.

Словом, идеи, изложенные автором в книге «Рождение столиц: от прошлого к будущему», являются достаточно интересными, заслуживающими дальнейшего изучения и развития. Тем более что многие из них даны фрагментарно, поскольку основное внимание автор уделит обоснованию самой концепции ШС. Но уже эта первая попытка показывает, что политология нуждается в новом направлении — изучении столиц. Научное сообщество должно выработать категориальный аппарат для исследования, оказавшегося без достаточного внимания этого важного явления цивилизационной истории — феномена главного города страны, государства, нации — феномена столицы.

Пирен М.И.,

доктор социологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки и техники Украины,
профессор Национальной академии
государственного управления при Президенте Украины

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

В этой книге автор на основе открытой закономерности о рождении новых столиц, названной им феноменом *шага столиц*, делает попытку прогноза политического ландшафта мира в не очень отдаленном будущем. Хочу предупредить читателя, что новый феномен, связанные с ним понятия и сделанные на основании этой гипотезы прогнозы по отдельным странам не должны восприниматься как единственный сценарий возможного будущего. Homo sapiens sapiens (человек разумный разумный) — именно таково научное обозначение человека в классификации биологических видов — на то и обладает разумом, чтобы исходя из предвиденных возможностей развития менять мир, делая его все более сложным, богатым и красивым.

Процесс появления новых субъектов мировой политики — государств, государственных образований, в том числе автономий, — непреодолим. Но вопрос заключается в том, каким путем будет развиваться мир: путем плавных эволюционных перемен или путем катастрофических и взрывных. Нетрудно понять, что осуществившись сейчас мечты всех сепаратистов и появившись сейчас на карте мира множество новых государств — это была бы всемирная катастрофа. Мир в любом случае, при любом своем усложнении должен становиться все более безопасным, а значит, все более гуманным. Человек, его права и достоинство — высшая ценность на Земле. И об этом всегда должны помнить политики и идеологи, мечтающие об изменении существующего порядка.

Другой момент, на который хотелось бы обратить внимание: шаг столиц не только разъединяет (разводит) города и страны, но и соединяет их, только на более высоком уровне. Упрощая отдельные страны, фрагментируя их, он обогащает цивилизации — исторически-культурные общности, объединяющие государства с общей исторической судьбой. Шаг столиц задает в этом случае вектор развития, вектор движения данной страны в ту или иную цивилизационную общность. И поскольку эта книга впервые выходит в Украине, я думаю, в этом вступительном слове уместно будет сказать, что исторический выбор, который сделала Украина в 2005 году — интеграция с европейским сообществом, европейской цивилизацией — полностью подтверждается феноменом ШС, который вписывает Киев в систему европейских столиц. Возвращаясь в европейскую цивилизацию, Украина возвращается к своим великим истокам, обретает свое подлинное историческое лицо. Хочется от всего сердца пожелать украинскому народу успехов на этом пути национального возрождения.

И еще. Так как эта книга выходит в серии «Открытая исследовательская концепция», в которой издаются работы, посвященные циклическим процессам, нельзя не обратить внимание на то, что феномен ШС (поскольку в нем речь идет о циклическом процессе — появлении новых столиц на определенном расстоянии от старых) может найти свое объяснение и дальнейшую конкретизацию именно в рамках данной концепции. Поэтому автор приносит свою глубокую благодарность за внимание и помощь в издании этой книги президенту Украинского общества содействия социальным инновациям и одному из авторов монографии «Великая коэволюция. Глобальные проблемы современности: историко-социологический анализ» профессору Афонину Э. А.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта работа посвящена новому явлению исторической реальности, которое мы назвали «феноменом шага столиц». Следует признать, что, несмотря на исключительную роль столиц в мировой цивилизованной истории, они до сих пор не выделены в научном познании как отдельный предмет изучения¹, тем более не исследована взаимосвязь между старыми столицами и новыми. Историю столиц изучают в контексте истории государств, в силу их политического значения, точнее, политического значения общественных структур, которые в них находятся, а сами по себе столицы рассматриваются как простые вместилища, безличные наполняемые пространства упомянутых политических структур. Таким образом, по аналогии с физикой, господствует ньютоновское представление о политическом пространстве главных городов государств. Месторасположение той или иной столицы считается более или менее удачным, но в общем и целом случайным. Историческое пространство считают таким же однородным и изотропным, как и физическое. Но, быть может, историческое, социальное пространство не столь уж просто? Быть может, пора посмотреть на него хотя бы с позиций Эйнштейна? Тогда столицы государств будут искривлять, изменять социальное пространство. Они будут, в зависимости от их «массы», управлять пространством.

Данная работа не претендует на создание теории социального исторического пространства, его отличия от физического и т.д. Проводя параллели с Ньютоном и Эйнштейном, мы хотим заострить проблему, показать само ее существование. Данная работа посвящена этой задаче. В ней исследуются закономерности появления столиц новых государств на определенном расстоянии друг от друга. И здесь мы опирались на гипотезу великого русского поэта и исследователя начала прошлого века Велимира Хлебникова о «шагах столиц»². На большом историческом материале мы попытались доказать верность этой гипотезы. Из этнополитического анализа примерно 100 современных государств делается вывод о их возможном распаде и появлении новых столиц. Сделана попытка показать значение открытого феномена в цивилизационной парадигме. И здесь мы вводим новые понятия: *каркас* и *главный город цивилизации*, *индекс (число) сложности*, *коэффициент целостности* и другие понятия, характеризующие цивилизации.

Мы надеемся, что эта работа привлечет внимание исследователей к новому историческому феномену, а также к роли столиц в мировой истории и послужит толчком к появлению новой научной дисциплины *столицелогии* (условное название). Автор будет благодарен за любые критические замечания и наблюдения. Он хорошо понимает новизну очерченной темы и вводимых им понятий. Станут ли они приобретением науки или просто околонульным курьезом, будет зависеть от того, насколько готово научное сообщество перейти к новым парадигмам познания, в которых осуществляется синтез гуманитарного, ценностного подхода с естественнонаучным — подхода, столь блистательно примененного Л.Н. Гумилевым. Для автора же главным стимулом в его работе была истина, и если дальнейшими исследованиями будет доказана ложность предложенных им решений, но будет развито новое понимание социального, исторического пространства и роли столиц в нем — он будет считать свою задачу выполненной.

¹ Известный историк Ф. Шахермайр сказал: «Как это ни странно, но обычно мало кто задумывается над тем, что такое столица вообще». — *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. — М., 1996. — С. 452.

² *Хлебников В.В.* Учитель и ученик. — Творения. М., 1987. — С. 586.

Возможна ли геометрия истории?

«Мировая история — это история города», — сказал О. Шпенглер, а история столиц — это квинтэссенция данной истории. Столицы аккумулируют в себе дух нации, ее творческие потенции, ее прошлое, настоящее и будущее.

Что было вначале: государство, нация (народ) или столица? Быть может, вначале появляется эта точка — будущая столица, некое выделенное, сакральное место, «зародыш» нового государства — а потом и государство? Поскольку в столицах находятся не только резиденции правителей, но и главные религиозные и духовные ценности народа, народ смотрит на них как на источник не только материальных, но и духовных благ, как на источник высшей светской и религиозной власти. Так почему бы не написать цивилизованную историю в аспекте возникновения, расцвета и гибели столиц; их борьбы друг с другом, сотрудничества и взаимовлияния; порождения одними столицами других и уничтожения сильными столицами более слабых? Это была бы не менее интересная и поучительная история, чем история, представленная как борьба классов, суши и моря, героев и толпы и т.д.

Но как возникают столицы, существуют ли определенные количественные закономерности в их возникновении, или же они образуются более-менее случайно с точки зрения математики, и их появление обусловлено исключительно геополитическими, экономическими, династическими факторами? Поскольку историю творят люди, наделенные чувствами, сознанием и свободной волей, то в отличие от неживой природы социальная реальность «освобождена» от количественных закономерностей, и появление на карте мира новых столиц не может быть связано со старыми столицами никакими расчетами и формулами. И все же в начале прошлого века в предреволюционной России появился человек, который, несмотря на освященную всей книжной традицией истину, вознамерился утверждать, что столицы возникают в геометрическом порядке, и более того — все исторические события происходят по определенным математическим формулам.

Этим человеком был поэт-футурист Велимир Хлебников. Хотя говорить о нем только как о поэте, что зачастую делается, было бы неправильно. Это был исследователь, мыслитель настолько широкого плана, что трудно определить рамки его творческой деятельности. Если все же попытаться выразить, что нового принес этот человек в мировую культуру, то можно, наверное, сказать так: он открывал новые горизонты, ставил вопросы глобального мировоззренческого значения. Хлебникову в высшей степени было присуще то, что английский философ Уайтхед назвал «духовным приключением». Перевернуть веками, тысячелетиями устоявшуюся истину, взглянуть на мир под каким-то непостижимым углом зрения, увидеть в хаосе событий, имен, дат стройную закономерность, совместить несовместимое — вот черты мышления этого человека. И какой необозримый диапазон творчества: от законов языкознания до законов судьбы, от законов времени до законов духа.

О своем творческом методе Велимир Хлебников сказал так: «Избегая заранее готовых мыслей, открыть свой разум, как слух, к голосу опыта, лежащего перед ним... Задача — увидеть чистыми глазами весь опыт в кругозоре человеческого разума». Но что лежит в основе мира, что позволяет познавать его? Число, — отвечал Хлебников вслед за Пифагором.

*И звезды это числа,
И судьбы это числа,
И смерти это числа,
И правы это числа³.*

³ Хлебников В.В. Творения.— С. 586.

В нашей работе мы не будем рассматривать законы времени — наиболее разработанную и обширную часть его научного наследия (о них см. обстоятельную и глубокую работу В. Бабкова «Контексты Досок Судьбы» в его издании «Велимир Хлебников. Доски Судьбы» — М.: Рубеж столетий, 2000). Мы остановимся не на формулах времени, а на геометрии исторического пространства, на закономерности возникновения столиц государств на определенном расстоянии друг от друга.

В своей первой работе «Учитель и ученик», изданной более 90 лет назад — в 1912 году, Хлебников писал: «Я нашел, что города возникают по закону определенного расстояния друг от друга, сочетаясь в простейшие чертежи, так что лишь одновременное существование нескольких чертежей создает кажущуюся путаницу и неясность. Возьми Киев. Это столица древнего русского государства. На этом пути от Киева кругом него расположены: 1) Византия; 2) София; 3) Вена; 4) Петербург; 5) Царицын. Если соединить чертой эти города, то кажется, что Киев расположен в середине паутины с одинаковыми лучами к четырем столицам. Это замечательное расстояние города-середины до городов дуги равно земному полупоперечнику, деленному на 2. Вена на этом расстоянии от Парижа, а Париж от Мадрида.

Также с этим расстоянием (шагом столиц) славянские столицы образуют два четырехугольника. Так, столицы некогда или сейчас Киев — Санкт-Петербург — Варшава — София — Киев образуют одну равностороннюю славянскую ячейку, а города София — Варшава — Христиания — Прага — София — другую. Чертежи этих двух великих клеток замкнутые.

Таким образом, болгары, чехи, норвежцы, поляки возникали как народы и жили, следуя разумному чертежу двух равносторонних косоугольных клеток с одной общей стороной. И в основе их существования, их жизни, их государств лежит все же стройный чертеж. Не дикая быль, а силы земли построили эти города, воздвигли дворцы. Не следует ли искать новые законы их постижения?

Таким образом, столицы и города возникнут кругом старого, по дуге круга с лучом $R/2\pi$, где R — земной полупоперечник. Людскому порядку не присуща эта точность, достойная глаз Лобачевского. Верховные силы вызвали к жизни эти города, расходясь многоугольником сил»⁴.

Насколько нам известно, гипотеза В. Хлебникова о «шаге столиц» не привлекла внимание исследователей. Поэтому мы в данной работе попытаемся ответить: существует ли в истории феномен «шага столиц», или приведенные им примеры всего лишь красивая случайность, совпадения, на которые так щедро Клио — муза истории. Если же этот феномен действительно существует, то при каких условиях, в каких формах и границах. И, наконец, как его объяснить?

О методе

Прежде чем изучать новое явление, нужно условиться о методе. В науке существуют два основных метода познания: структурно-функциональный и генетический. Структурно-функциональный изучает уже сложившуюся структуру и свойственные ей функции, соотношение элементов данной структуры и т.п. Генетический изучает происхождение данной структуры, помогает заглянуть в ее будущее. Важность генетического подхода заключается еще и в том, что он позволяет отделить случайное от необходимого, существенное от поверхностного и тем самым установить причинно-следственные связи. Особенно важен генетический метод при изучении совершенно нового явления, как в нашем случае.

В самом деле, если мы возьмем карту и начнем с помощью циркуля искать расположенные на расстоянии «шага столиц» (около 1000 км) главные города государств, то что это нам даст? Набор случайных фактов, не больше. Будет ли доказано существование данного феномена в этом случае? Очевидно, нет. Только выделение существенных,

⁴ Там же, с. 245.

причинных, необходимых связей может помочь нам доказать существование нашего феномена. Если эти связи обнаружены не будут, то феномен «шаг столиц» навсегда останется красивой случайностью, своего рода марсианскими каналами. Поэтому в данной работе мы будем опираться на широкий исторический материал, пытаясь уловить момент порождения одной столицей данного государства столицы другого государства.

Далее. Мы, безусловно, будем опираться на системный метод, так как любое явление возникает и развивается в рамках определенной системы. В данном случае такими системами будут являться этнические, государственные и цивилизационные общности. Возникая в определенной системе, столицы государств сами в свою очередь образуют систему (системы) или структуру, в которой каждая столица (прошлая, настоящая и будущая) занимает свое место по закону «шага столиц». Как нам представляется, существуют системы столиц различной степени общности: от региональной до мировой. Понять механизмы развития этих систем — дело будущего. Наша задача — доказать само их существование.

Основные понятия

Столица, по определению В. Даля, — «стольный, престольный город, главный, первый город в государстве, где пребывает высшее правительство, государь»⁵. В русском языке слово «столица» возникло где-то в конце XVI–XVII вв. Сначала главный город Руси (Киев, Владимир) называли «стол Земли Русской», потому что там находился «трон-стол» Великого князя. Потом «стольными городами» стали называть главные города многочисленных отдельных русских княжеств. Но лишь по отношению к Москве — городу с женским именем — стало использоваться название «столица». Ныне оно применяется просто для обозначения главного административного центра любого государства⁶.

В западноевропейских языках слово *capital* (столица) образовано от латинского *caput*, означающее «голова», которое, возможно, связано с *Capitolinus*, самым высоким холмом в Древнем Риме — историческим и религиозным центром города⁷.

Столица, таким образом, — понятие, соотносимое с понятиями «город» и «государство», а также с понятием «государь» — верховный правитель. (Последнее нужно подчеркнуть особо, поскольку иногда утверждается, что города, в которых периодически собираются представительные органы страны, являются столицами. Так, в энциклопедии «Britannica 2000» говорится, что *Франкфурт-на-Майне* может считаться столицей «Св. Римской Империи» поскольку в нем собирался Рейхстаг.) Хотя бывают государства без городов (государства кочевников) и государства с городами, но без столицы («Св. Римская империя»). Но последнее скорее исключение, а не правило.

О столицах. Основная функция столиц — организация, регуляция жизни социального организма, государства. Поэтому, по аналогии с биологическими организмами, столицы можно уподобить центральной нервной системе и ее главному аппарату — мозгу, или, на уровне клетки — клеточному ядру. Столицы появляются в особых, выделенных точках социально-политического пространства. Эти точки являются наиболее энергетически организованными и, вследствие этого, наиболее устойчивыми к энтропийным возмущениям социального космоса.

Поразительный факт, которому нельзя найти объяснения: много столетий существует целый ряд столиц, остающихся столицами, несмотря на смены правителей, политических режимов и даже самих государств: *Мемфис, Фивы, Вавилон, Константинополь,*

⁵ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — Том 4. — М., 1956. — С. 328. См. также определение Ф. Шахермайра: «Столица — это город, где сосредоточен весь высший административный аппарат и откуда осуществляется управление страной даже в отсутствие монарха» — указ. соч. — С. 452.

⁶ *Мокеев Г.* Рим первый и «Рим» последний — <http://www.voskres.ru>

⁷ <http://encyclopedia.laborlawtalk.com>

Рим, Париж, Пекин, Москва и т.д. В одной лишь географии или психологии тут дело? Являются ли удобное географическое положение или консерватизм привычек и исторических традиций главными причинами этой стабильности? Вспомним, что жители *Вавилона*, несмотря на падение и хозяйственное запустение великого города, еще несколько сот лет жили на его развалинах, питаясь воспоминаниями о его великом прошлом. Или истоки поразительной живучести столиц находятся на более фундаментальном уровне? Гипотез не измышляю, говорил Ньютон. И нашей задачей является описание феномена возникновения столиц на определенном расстоянии друг от друга.

Далее. Столицы выражают и представляют государства в концентрированном виде. Говоря языком философии, столица — это микрокосм, а государство — макрокосм. Поэтому перенос столицы на новое место или в малоизвестный город, как, например, перенос столицы из *Москвы* в *Санкт-Петербург*, из *Тоledo* в *Мадрид*, из *Квебека* в *Оттаву*, из *Мельбурна* в *Канберру*, из *Филадельфии* в *Вашингтон*, из *Алма-Аты* в *Астану* и т.д. означает изменение государства в политическом, а в некоторых случаях и в цивилизационном плане. Как заявил на торжественном заседании, посвященном официальной презентации новой столицы Республики Казахстан *Астаны*, президент Казахстана Н. Назарбаев: «Новая столица — новое государство — новое общество»⁸.

Понятие «город» тождественно понятию «цивилизация»⁹. По латыни *cives* — гражданин, *civilis* — гражданский, *civitas* — гражданская община, город. Город неразрывно связан с государством, одним из признаков которого является существование институтов управления обществом и особой прослойки людей, осуществляющих управление. Города возникают тогда, когда «организация общества становится настолько сложной, что дальнейшая его жизнедеятельность без координирующих центров оказывается невозможной. Именно в насыщенной социальными связями среде происходит кристаллизация городов, являющихся сгустками этих связей. Такой момент наступает на позднем этапе родоплеменного строя, когда образуются крупные племенные и межплеменные объединения»¹⁰.

Таким образом, первые города были прежде всего центрами управления общими делами племен, резиденциями вождей, а поскольку вожди, как правило, являлись и жрецами, главными носителями религиозных функций, то города являлись и религиозными центрами. Последнее нужно подчеркнуть особо, поскольку, как выясняется новыми исследованиями по так называемой сакральной топографии, возникновение многих городов в средние века было обусловлено не столько экономическими (на чем долгое время настаивала марксистская история), сколько религиозными факторами. «Оказалось, что развитие почитания мощей и складывание традиционных путей паломничества к ним были не только фактором формирования «сакральной структуры» отдельных городов и целых областей — но и важным стимулом градообразования вообще. Установлено, что ориентация на какой-то церковный центр была изначально генетически присуща целому ряду городов, особенно в Северной Европе. Такой центр был как бы заранее задан тем, что город складывался вокруг монастырского комплекса, построенного на *lous sancta* — «святом месте». Например, английский город с характерным названием «Бэттл» возник вокруг аббатства, на крайне неудобном месте. Это объясняется тем, что, согласно легенде, центральный алтарь монастырского собора построен над местом, где пал король Гаральд»¹¹.

На заре цивилизации город и государство были одним целым. На небольшой территории могли существовать десятки городов-государств. Древний Египет, Шумер,

⁸ <http://www/president.kz/articles/state>

⁹ Поэтому встречающееся в литературе понятие «кочевая цивилизация» является абсурдным. В данном случае можно говорить о кочевой культуре, но никак не о цивилизации.

¹⁰ *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси.— Л., 1988.— С. 29.

¹¹ *Баталов А.Л., Беляев Л.А.* Некоторые проблемы топографии средневекового русского города — Сакральная топография средневекового города. Известия Института христианской культуры средневековья.— Том 1.— М., 1998.— С. 13–22.

Финикия, Греция, цивилизация майя представляли собой совокупность городов-государств. Чтобы быть устойчивым, такое государство должно было иметь некоторые естественные границы: горы, море, омывающее остров и т.п. Город-государство имел центр в виде храма — главного местного божества; вокруг располагалась администрация, сохранились продовольственные и материальные склады, тут же были и мастерские ремесленников — все это обносило стеной.

Следующий шаг — союзы городов-государств и выделение среди них города-лидера. В качестве примера можно привести Ахейский союз во главе с *Афинами* и Пелопонесский союз во главе со *Спартой*. Но политическая самодостаточность, повышенное чувство свободы и нежелание поступиться частью своих прав, делегировать их единому общеполитическому центру приводили к бесконечным войнам на Пелопонесском полуострове.

Крупные государства, а затем и мировые империи возникали тогда, когда какой-либо могущественный город-государство, чаще всего с монархической формой правления, объединял (завоевывал) территорию, населенную народами, находящимися на догосударственном, доцивилизационном, догородском уровне развития. Так возникло первое большое европейское государство в Македонии, в которой почти не было городов. Так возникли восточные мировые империи и первая из них — Ассирия, выросшая из города-государства *Ашшур*.

Следующий шаг — развитие новых городских центров внутри этих империй и превращение этих центров в столицы новых государств в процессе распада империй. Объединяя обширные пространства и народы, качественно весьма разнородные, в единый государственный организм, империи выполняли цивилизаторскую функцию по отношению к народам на догосударственной стадии развития, являясь, так сказать, инкубатором новых государств и новых столиц.

Поэтому в первой части работы феномен шага столиц мы будем рассматривать в основном на примере развития и распада империй. Но новые столицы и новые государства появляются не только в результате имперских войн и захватов, но и вследствие мирного влияния имперских центров на племена и народы, живущие на периферии империй и соприкасающиеся с ними. В социологии явление заимствования культурных ценностей одних народов у других, более развитых, называется аккультурацией. Мы назвали этот процесс «эстафетой цивилизаций» и остановимся на нем более подробно дальше.

Чтобы на самом общем, философском уровне понять развитие городов, государств и столиц, необходимо остановиться на главном источнике их развития, то есть их главном противоречии. По нашему мнению, это противоречие между центром и периферией, столицей и провинцией, субъектом и объектом управления.

Периферия хочет стать центром, то есть уничтожить центр, центр хочет стать периферией, уничтожить периферию. А что такое периферия? Это все, что не является центром, все, что окружает центр. Периферия может быть более или менее удаленной, но остается периферией. Периферия непрерывна, центр — дискретен. Общеисторическое противоречие между центром и периферией — это выражение более общего противоречия между прерывным и непрерывным, дискретностью и протяженностью. Центр компактен, но организован. Периферия протяженна, но неорганизована. В физике это противоречие между веществом и полем.

Противоречие между центром и периферией ведет как к развитию центра, так и к развитию периферии. Схематично это можно представить так.

1. Появление множества новых центров с соответствующей периферией. Но все эти центры подчинены главному. Иерархия центров. На примере Римской империи — это Рим и столицы провинций.

2. Разделение центра. Возникает несколько центров вследствие рассредоточения власти. Мигрирующий центр. Любой малый центр может стать главным. Такой способ широко используется в огромных империях, когда противоречия между центральной столицей и провинциями становятся неразрешимыми. Например, Римская империя времен заката.

3. Дальнейшее развитие указанного противоречия приводит к взаимоуничтожению центра и периферии и обращению ситуации. Периферия становится центром, а центр — периферией. Нет ни центра, ни периферии. Социальный хаос. Варвары уничтожают Рим. Провинции торжествуют, тем самым уничтожая сами себя. Но этот хаос кратковременен. Внутри этого хаоса появляются новые центры, окруженные новыми провинциями, и общество начинает новый виток развития. При этом таким «новым» центром может стать и старый центр.

Это, так сказать, принципиальная схема развития противоречия. Люди, зная законы развития общества, могут управлять его развитием; смягчать социальные противоречия, гармонизировать их. Это подразумевает широкое развитие демократии, развитие федеративных отношений вплоть до мирного дробления больших государств.

О величине шага столиц

Изучив карту Европы, В. Хлебников вывел эмпирическую величину «шага столиц» — $R/2\pi$, где R — радиус Земли. Принимая средний радиус Земли за 6371,2 км, мы получаем, что хлебниковский шаг столиц (далее ШС) равен 1014 км, то есть примерно 1000 км. Учитывая, что столицы государств занимают площадь в десятки квадратных километров, можно допустить погрешность до 7%, т.е. будем считать, что расстояние между столицами равно шагу, если расстояние между их центрами не меньше 930 и не больше 1080 км. Этот шаг мы будем называть большим шагом столиц, или, следуя традиции, просто шагом столиц (ШС).

Изучив расположение древних, бывших и современных столиц, мы пришли к выводу, что в чистом виде ШС наблюдается не всегда, достаточно часто к нему нужно добавлять коэффициенты: 0,5; 2; 2,5; 3... Можно, конечно, пойти другим путем — взять в качестве основного шага величину $R/4\pi$, тогда коэффициентами будут только целые числа: 2, 3, 4, 5, 6... Это, безусловно, красивее, но, чтобы не ломать традиции, мы не стали делать этого.

Далее, наряду с ШС с поправками на коэффициенты, вводим новую величину — $R/1,5\pi^2$, приблизительно равную 430 км. Назовем ее малым шагом столиц (МШ), который также наблюдается с коэффициентами: 2, 3, 4... Чтобы не усложнять разбор принципиально нового материала, а также учитывая опасность размывания самого понятия «шага столиц», в данной работе мы не будем использовать для МШ коэффициент больше 2. Принципиального отличия ШС от МШ мы пока не нашли. Возможно, его найдут при дальнейшем изучении этого феномена. Возможно, будут обнаружены новые величины. Ведь данная работа является, по сути, первой в этой области знания (которой пока даже нет названия и которую мы условно назвали *геодинамикой истории*), и главной нашей задачей было привлечь внимание исследователей к этой проблеме, показать, что столицы государств образуют определенную структуру, которую можно изучать с помощью чисел, как изучается сейчас структура кристаллической решетки природных минералов.

О структуре работы

Идеальным вариантом расположения материала был бы принцип интернетовских сайтов, когда читатель с помощью ссылок путешествует по гипертексту — новой смысловой реальности, максимально приближенной к нашему объемному миру. Но поскольку у нас не гипертекст, а обыкновенный книжный, то превращая объем в плоскость, мы не могли обойтись без разрывов. Поэтому изложение материала построено так: в первой части мы опишем феномен в хронологическом порядке на примере рождения и распада имперских государств от Древней до Новейшей истории, вплоть до окончания Второй мировой войны. Затем, во второй части, материал будет сгруппирован по регионам: странам и континентам. В особую главу выделена Россия и государства СНГ; рассмотрение феномена ШС на материале отечественной истории ведется

в хронологическом порядке. В этой части мы проанализируем, опираясь на современные исследования по этнополитическим движениям, около 100 современных государств и попытаемся показать прогностическое значение феномена ШС. В заключительной третьей части мы попытаемся связать феномен шага столиц с цивилизационной парадигмой и показать, что ШС не только разъединяет, *разводит* города и столицы, но и объединяет их.

В приложениях I–III приведены справочные таблицы по всему материалу работы. А в приложении IV рассматривается вопрос о качественной неоднородности исторического пространства на примере сорок второй, так называемой «римско-имперской», параллели. Непосредственно не связанная с нашей основной темой — феноменом ШС, эта работа продолжает разговор о специфике исторического пространства уже на другом материале.

В качестве фактографической базы в книге содержится много карт. По техническим причинам многие из них даны на английском языке. Координаты городов и столиц и расстояния между ними приведены согласно компьютерному атласу мира Rand Mc. Nally, Millennium, 2002.